

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р58

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Рой, Олег.

Р58 Нелепая привычка жить : роман / Олег Рой. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Капризы и странности
судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-04-004053-7

Виталий проникся настоящей отцовской любовью к своей маленькой падчерице. Сколько матерей мечтают, чтобы родной папа так любил свое чадо! Но только не Лана. Дочка с экзотичным именем Долорес пробуждала в ней лишь раздражение и досаду. А когда молодая женщина видела ту дружбу, которая возникла между ее мужем Виталием и Долькой, сердце ныло от ревности. Может быть, не так уж ошибалась Лана, предполагая, что малышка испытывает к отчиму совсем не дочерние чувства...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-004053-7

© Резепкин О., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Эта книга посвящается всем, кто переживает
«кризис среднего возраста» или стоит на его пороге.*

*Всем, кто «земную жизнь прошел до половины
и очутился в сумрачном лесу» собственных размышлений,
сомнений и разочарований. Всем, кто думает или говорит,
что уже стар, все повидал и все у него позади.*

*И всем, кто в глубине души хочет верить —
«в сорок лет жизнь еще только начинается...»*

Глава 1

Весенняя хандра

Это было маленькое кафе в центре Москвы. Заурядное, непритязательное, пожалуй, даже старомодное, неведь каким образом выживающее среди многочисленных современных и куда более успешных собратьев. Но именно здесь Виталий Малахов, владелец преуспевающей торговой компании, предпочитал находиться в тот момент, когда в офисе говорили: «Шеф вышел перекусить». Он бывал тут несколько раз в неделю — не затем, чтобы поесть, конечно, питался он совсем в других местах. А просто посидеть, выпить чашку кофе, побыть наедине со своими мыслями, в спокойной обстановке просмотреть бумаги или свежую прессу. Уходя из офиса, он кивал секретарю на дверь, и смышленная Полинка понимала, где его можно найти, если начальник срочно понадобится. Его сотрудники проводили обеденное время в соседних модных заведениях.

Друзья Виталия называли это место забегаловкой.

— Ты где? — спрашивали они, звоня ему по мобильному. — Опять в своей забегаловке, этой «Ивушке», «Рябинушке» или, как ее, «Дубравушке»?

— Да, — отвечал он, не обращая внимания на их подначивания. — Я здесь. Хочешь меня видеть — приезжай.

С его точки зрения, это было идеальное место для встреч, как дружеских, так и деловых. Уютно, немногочисленно и, главное, тихо.

Никакого тебе бьющего по ушам «Хит FM». И почему некоторые люди так уверены, что весь мир должен любить современную попсу, да еще включенную на полную мощь? Виталия от всех этих «чита-дрита», «джага-джага» и «муси-пуси» просто тошнило. Ему нравились старый рок, авторская песня, ставшая почти классикой музыка шестидесятых-восемидесятых годов уже прошедшего столетия — как раз то, что иногда негромко звучало в любимом кафе.

Здесь всегда замечательно пахло. Малахов с рождения отличался обостренным обонянием, и запахи всегда были для него очень важны. С некоторыми людьми ему даже трудно было из-за этого общаться — не только немытые бомжи, но и вполне приличные, ухоженные мужчины и женщины были неприятны Виталию лишь потому, что ему не нравился их парфюм или естественный запах тел. Многие рестораны Малахов не любил из-за того, что там *не так* пахло. А здесь, в маленьком кафе, всегда царили ароматы выпечки и свежемолотого кофе. Сейчас в Москве редко где можно найти действительно хороший и вкусный кофе. И вообще здесь было как-то по-домашнему. «Доперестроечный уют» — так он это называл. Небогатый выбор салатов и сэндвичей, деревянная мебель, клетчатые и, быть может, не идеально чистые скатерти. На окнах живые цветы — не какие-нибудь экзотические птерисы, драцены или юкки, а незатейливые, из тех, что в его детстве стояли на подоконниках в школе и дома у бабушки — «декабрист», бегония, алоэ, сок которого ему закапывали в нос от насморка. И то самое растение с резными, похожими на кленовые листьями на толстых и мохнатых, словно покрытых красноватыми волосами, черенках. Виталий не знал его названия, но именно оно стояло на подоконнике рядом с его самым люби-

мым столиком. И порой, задумавшись, он ловил себя на том, что тихонько отщипывает с мясистых черенков красные волоски.

На каждом столике, которые были напиханы в тесное помещение так плотно, что за некоторые из них приходилось пробираться боком, стояла цветная свечка и крохотная вазочка. В вазочке в зависимости от сезона появлялись то букетики полевых цветов, то яркие желто-красные листья, то еловые веточки, увитые блестящей ниткой новогоднего «дождя», то тополиные прутики с едва лопнувшими почками. Первым предвестником весны в этом году для Виталия стали именно эти пахучие сочно-зеленые листочки, родившиеся в вазочке прямо на его любимом столе у окна.

И публика здесь была под стать обстановке: веселые компании студентов, выворачивающих карманы и сообща пересчитывающих мелочь, нежно глядящие друг на друга влюбленные самых разных возрастов, скромно одетые барышни и профессорского вида дядечки в очках и с бородками. Как раз сейчас один из них вошел в кафе и устраивался напротив Виталия. С трудом протиснулся между столиком и стеной, бухнул на свободный стул пухлый портфель, сел, подтянув потертые брюки, привычным жестом поправил пышную седую шевелюру. И тотчас к его столику приблизилась, чуть постукивая каблуками, официантка.

Эта женщина нравилась Виталию не меньше, чем все остальное в этом кафе. А может, даже и больше. Только он в этом не признавался.

Была ли она красива? По современным критериям, пожалуй, что и нет. Среднего роста, широковатая в кости, фигура уже немного расплылась в бедрах. Но именно глядя на нее, Виталий пришел к умозаключению, что женская красота может быть со-

вершено разной. Может быть ухоженной, показной, вызывающей, демонстративной и даже хищной. А может быть вот такой — скромной и в чем-то даже банальной. Которая не требует восхищения, поклонения, жертв и дорогостоящих подношений. Просто рядом с ней спокойно и хорошо на душе. Так, как бывает в подмосковном лесу. В последние годы среднерусские пейзажи стали для объездившего весь мир состоятельного бизнесмена Малахова куда ближе и приятнее глазу, чем виды европейских городов и пляжи престижных курортов.

Он знал о «своей девушке из таверны», как в шутку называл про себя официантку, очень многое. Работает она в этом кафе уже семь лет. Никогда не носит брюк, предпочитая, даже зимой, платья или юбки, закрывающие колено. Пользуется она нежными старомодными духами «Диориссимо» с ароматом ландыша. Из украшений признает только серебро. Волосы у нее крашенные — свои чуть темнее и уже тронуты легкой сединой. В парикмахерскую она ходит раз в два месяца. Когда сильно устает, начинает сутулиться. И никогда, даже в самых конфликтных ситуациях, не повышает голоса. У нее приветливая улыбка и почти всегда хорошее настроение. Это именно она ставит цветы в вазочки на столах. При этом, как ни странно, Виталий не знал, как ее зовут. Мысль о бейджиках с именами, как это принято в других местах, видимо, не пришла в голову хозяевам скромного заведения, а спросить ее лично он не решался. Виталию это казалось уже чем-то интимным, словно бы первым шагом к флирту. Флиртовать с «девушкой из таверны» он и не думал. Ему было достаточно изредка приходить сюда и, попадая в ее смену, считать это доброй приметой.

Сегодня все было, как всегда. В кафе было, как обычно, тихо и уютно, пахло душистой выпечкой, официантка приветливо улыбалась, и так же радостно улыбался солнечный день за окном — в городе наконец-то воцарилась весна. Но у Малахова отчего-то было темно и скверно на душе.

Перед ним на столе, рядом с вазочкой, где красовался букетик мелких голубых первоцветов, стояла чашка отличного кофе и лежала пластиковая папка с контрактом для срочного ознакомления. Однако Виталий, проведя здесь уже почти полчаса, так и не притронулся ни к напитку, ни к бумагам. Подперев голову рукой и уставившись в свежeweымытое окно, за которым бушевал московский апрель, он пытался докопаться до причины своего столь внезапно возникшего мутного состояния.

Со стороны Малахов выглядел вполне благополучно, более того, ему было в чем позавидовать. Его компания, занимавшаяся оптовой торговлей мясными продуктами, уверенно держала позиции на рынке. Какие бы катаклизмы ни сотрясали мир, есть люди хотят всегда. И сколько бы гринписовцы и прочая им подобная публика ни выступали против убийства и поедания живых существ, а новомодные диетологи ни кричали о вреде холестерина и трудностях расщепления животного белка в человеческом организме, мясо продолжали покупать, регулярно поедать его и исправно расщеплять в своих организмах. Соответственно обороты фирмы «Мит-сити»¹, постоянно расширявшей сеть закупки и сбыта, с каждым годом неуклонно росли. Четырнадцать лет назад Виталий с приятелем Санькой Семеновым начали с того, что сами возили на разбитых «Жигулях»-«двойке» говядину из Калужской

¹ От *англ.* Meat-city — мясной город.

области. Теперь у компании был солидный офис в центре Москвы, собственные склады, большой автопарк, разветвленная сеть поставщиков, в том числе и иностранных, филиалы в регионах и многомиллионные обороты. Причем вышло так, что Виталий оказался единственным владельцем «Мит-сити». Года через два после регистрации фирмы, когда у них уже появился первый собственный рефрижератор, Санька вдруг заговорил о том, что с мясом надо завязывать. «Такими темпами мы с тобой еще десять лет развиваться будем, — заявил он. — Давай-ка прикрывать эту лавочку и переходить на что-то более основательное. Вот, говорят, цветные металлы — дело очень прибыльное...» Малахов некоторое время подумал над предложением друга и отказался: «Стремно как-то, Санек. С мясом мы все-таки не первый день дело имеем, обросли связями, поставщики свои, система реализации налаживается. А рынка цветмета ни ты, ни я не знаем. Мало ли что там да как...» — «Эх ты, перестраховщик! — скривился Санька. — Не хочешь — не надо. Без тебя обойдусь!» И вышел из бизнеса. Виталия это сначала напугало — как же он будет один? Но, как говаривала бабушка, — поговорка со временем стала чем-то вроде жизненного девиза — что бог ни делает, все к лучшему. Время показало, что Виталий был прав. Санька действительно ввязался не в свое дело, и закончилось это печально. Малахов же стал единоличным владельцем крупной фирмы. Конечно, у него были помощники, и неплохие: например, Аркадий Лошманов, правая рука, молодой, способный, очень энергичный, или Коля Тихомиров, второй заместитель, очень опытный и грамотный мужик, с которым они работали вместе уже восьмой год. Но оба они пока оставались наемными служащими, а не партнерами — первый был еще молод, а второй, с точки зрения Виталия, при всей его

толковости был излишне мягок для бизнеса. Посему на сегодняшний день все акции «Мит-сити» принадлежали Виталию. К сорока годам у него скопился весьма приличный счет в банке, но он, в отличие от многих своих соотечественников, не спешил это демонстрировать. Не стоит тыкать в глаза окружающим своим благосостоянием, считал он. Надо жить достойно, но не более того. Конечно, у него присутствовали все необходимые атрибуты успешного человека: от часов «Вашеро Константин» и галстуков «Армани» до двухэтажной квартиры в центре Москвы и новенького «Лексуса». Но именно «Лексус», а не «СААБ» и не «Бентли». И никаких шкафоподобных телохранителей спереди, сзади и по бокам. Вполне достаточно одного водителя, он же охранник. А в случае чего, когда шофера нет, вот как сейчас, можно и самому за руль сесть.

Словом, в двух областях, обычно вызывающих наибольшее беспокойство у зрелого мужчины — работа и финансы, — у него сейчас все нормально. Может быть, и не безоблачно, бизнес никогда не идет идеально гладко, но, во всяком случае, причину его хандры надо было искать не здесь. И не в здоровье, с этим тоже все было более или менее в порядке. Малахов старался, как и многие люди его статуса, поддерживать себя в хорошей физической форме. Спортзал, бассейн, сауна, постоянное наблюдение у собственного семейного врача — все как полагается. Да и наследственность у него была прекрасная. Дожив до своих лет, ничем серьезнее свинки и ветряной оспы Виталий пока не болел.

Малахов мысленно подвел эти вполне утешительные итоги, но не порадовался за себя, а вздохнул. Да, все в норме, поводов для беспокойства нет. Что же тогда его гложет? Что не ладится? Пресловутая личная жизнь?

В памяти тут же всплыла супруга. Су-пру-га. Слово-то какое противное! Слово, которое он никогда не любил, но всегда употреблял по отношению к Светлане. Оно казалось ему более представительным и солидным, чем приземленное «жена». И, безусловно, гораздо больше подходило к его Лане. Все задатки светской львицы были у нее уже тогда, тринадцать лет назад, когда они только познакомились. Ухоженная, элегантная, уверенная в себе, она была преисполнена чувства собственного достоинства и одновременно глубочайшего презрения ко всем, кто не так красив, обеспечен и успешен. Сейчас же, при новых возможностях, вся ее жизнь подчинена желанию выглядеть (а еще лучше стать) дамой из высшего общества. На этой почве у них с Виталием постоянно происходили столкновения.

«Ты же состоятельный человек! — возмущалась она. — У тебя успешный бизнес, солидные счета. Почему бы нам не начать жить по-людски?» «Жить по-людски» для нее означало обзавестись домом на Рублевке, мелькать в светской хронике и, может быть, даже пробиться в политику. Но Малахов и слышать ни о чем подобном не хотел. Осторожность всегда была его отличительной чертой. «Тише едешь — дальше будешь, — любил повторять он. — Главное, не высовываться. Молния всегда бьет в самую выступающую точку». Это выражение тоже было у него чем-то вроде жизненного девиза, с которым никак не хотела мириться Лана.

В общем и целом их супружество было самым что ни на есть типичным современным союзом зрелых людей, проживших вместе более десятка лет. Обычно в таких ситуациях бурные разнополярные чувства проходят и уступают место спокойному и обыденному, как выражался один из приятелей Виталия, «мирному сосуществованию». Мужчину и женщину объединяют общий дом, быт,

дети, если они есть, совместные отпуска или выходы в свет. Во всем остальном у каждого своя жизнь, как духовная, так и телесная, о ней не распространяются и не считают себя вправе вмешиваться в жизнь другого. Малахов даже не представлял себе, были ли у Ланы другие мужчины. Она не вылезала из модных заведений, появлялась на всех тусовках и не пропускала ни одной премьеры. Виталий, не слишком-то любивший бывать на людях, часто и охотно отпускал ее одну. Разумеется, Лана запросто могла там с кем-то познакомиться, завести интрижку. Но могла и не завести. Слишком уж она была сдержанной, даже холодной. Физические радости земного бытия ее вообще не интересовали, уж кому, как не Виталию, было это знать. И Малахова это вполне устраивало. Он сам даже в юности не обладал пылким темпераментом. Его немногочисленные романы до женитьбы были какими-то тусклыми, а после и вовсе носили случайный характер. Собственно, и романами-то их назвать было нельзя, так, случайность. Постоянных связей, не говоря уже о привязанностях, в его жизни не было уже очень давно, а отдельным пустячным эпизодам ни он, ни Светлана никакого значения не придавали. Так что, если не придирается, то в супружеских отношениях царил, может, и не гармония, но, по крайней мере, равновесие. Нарушать его ухитрялась только дочь, многолетняя головная боль. Однако именно к тому моменту жизни, когда Виталий Малахов сидел в любимом кафе и смотрел на официантку, принимавшую заказ у седовласого профессора, с дочерью как раз все более или менее наладилось. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить... Словом, у него не находилось ни единой причины для хандры. И было совершенно непонятно, почему так тошно жить на свете человеку, у которого в целом в жизни все в порядке.